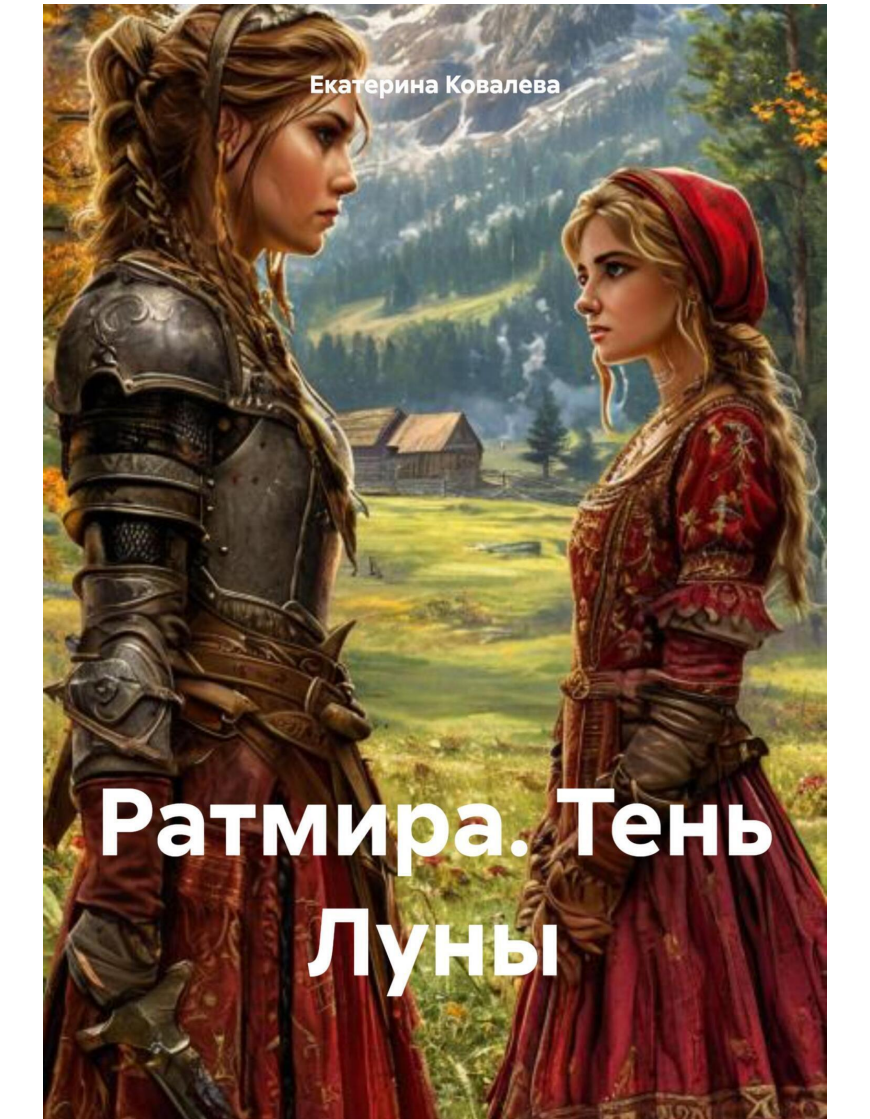

Екатерина Ковалева

Ратмира. Тень Луны

Екатерина Ковалева

Ратмира. Тень Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72112111

SelfPub; 2025

Аннотация

После тяжёлого ранения командир царской стражи Ратмира могла бы погибнуть в лесу, но её спасает деревенская девушка Любава и её бабушка, ведьма Варвара. Эта встреча меняет жизнь всех троих, Ратмира учится разным женским премудростям, а Любава и Варвара помогают ей расследовать страшное убийство, произошедшее в деревне.

Эта книга микс из фэнтези, детектива, триллера и любовного романа, за юмор в книге отвечает говорящая лошадь Ратмиры, Щука.

Екатерина Ковалева

Ратмира. Тень Луны

-Ба, а, ба.

-Что?

-Ну, ты, что, сердишься? Не сердись, ба.

-Вот ты скажи, зачем было эту дохлятину в дом тащить?

-Ну как же, иду по лесу на это болото твое за упрыг – грибом, а она под кустом лежит, вся в крови, рука вон вся израненная, я думаю, всё, померла баба сердешная, наклонилась к ней – дышит, как оставить-то человека в такой беде?

-Как-как, просто, пошла бы себе к болоту по своим делам, да и всё, – прогундел басовитый старческий голос.

-Ба, ну ты же ни кто-нибудь, ведьма самая сильная во всей округе, любого на ноги поставишь, – заискивающе произнёс девичий голос.

-Сколько раз говорю, не ведьма я, а травница.

-Ну хорошо, травница. Помоги ей, ба! И так баба несчастная, страшная, назамужняя и уже не выйдет никогда.

-Чтой-то не выйдет-то? – со смешком спросила бабка.

-Так говорю, страшная, плоская, как доска, ни с какой стороны округлостей нет, точно говорю, не будет у ней же-нихов.

-Зато у тебя округлостей хватает, замучилась по вечерам

ухажеров гонять, беги на чердак, сама знаешь, что принести.

–Заживай- траву и боль-утоли?

–Да, да, беги быстрее, а то не успеем.

Раздались быстрые шаги. Что- то заскрипело, и я почувствовала чьё-то дыхание на моей щеке.

–Хорошо тебе досталось, если сможешь вытерпеть, выживешь, нет, туда тебе и дорога.

Старуха зашептала что-то низким голосом, застучала чем-то деревянным, голос её постепенно становился всё ниже и ниже, а боль в моей руке все невыносимее, в голове пульсировало, перед глазами поплыли яркие оранжевые круги.

–Всё, – вдруг сказала старуха басом, – кончено.

Я изогнулась дугой от страшной боли и потеряла сознание.

–Ба, принесла.

–Заживай-траву завари в серебряной кружке и поставь в печь томиться, а боль-утоли залей холодной ключевой водой и на ледник снеси на час, потом смешай всё, да на тряпицу вылей, руку перевяжи, как я тебя учила, сможешь?

–А что же, авось не самая тупая.

–Ну, давай, ухаживай за своей дохлятиной, я пойду коров подою. Как ты до дому-то этукую тяжесть дотащила?

–А мне Семен, пастух, помог, он там коров недалеко пас, через седло его жеребца перекинули и привезли.

—Скажи, чтобы меньше болтал, баба не простая, мало ли что.

—Спасибо, ба, ты самая хорошая ве..., травница.

Старуха хмыкнула и зашаркала куда-то.

Рядом со мной кто-то сел, лба легонько коснулась прохладная рука, — ничего, сердешная, поправишься.

Моя спасительница шмыгнула носом, на щеку мне капнуло что-то горячее, плачет что-ли. Никто никогда по мне не плакал, боль вдруг ушла куда-то, и я провалилась в темноту.

Сознание возвращалось, а с ним обрывки воспоминаний. Осень, льёт дождь, я совсем маленькая сижу в большой грубо сплетенной корзинке, на мне рваная холщёвая рубашечка, холодно, от голода кружится голова, и путаются мысли, передо мной огромная кованая дверь, она со скрипом открывается, выглядывает женщина в черной одежде и платке.

—Да что же такое, опять подкинули! — хватает мою корзинку и затаскивает внутрь.

На мне уже сухая одежда и большой кусок мягкого хлеба в руке, я не верю своему счастью и съедаю этот хлеб так быстро, что что-то пищит в желудке, и становится больно. Но всё равно счастьем моему нет предела, я сворачиваюсь калачиком и засыпаю, как кошка в своей корзинке, кто-то осторожно накрывает меня сверху теплым платком.

—Просыпайся, — я открываю глаза и вижу перед собой улыбающееся женское лицо, оглядываюсь, вокруг всё незнакомое — большой зал, высоченные каменные стены, в углу горит камин, тепло. Женщина выхватывает меня из корзины и наматывает мне на ноги полоски тонкого меха, теперь мне не будет холодно на каменном полу. Я делаю несколько шагов, любуясь на свою новую обувь, поднимаю глаза — в центре зала стоят несколько таких же детей, как и я, и смотрят на меня с любопытством, мне становится интересно, и я шагаю к ним...

В зал входит мужчина, на нем темно-синий бархатный костюм и красный плащ, на левом боку шпага с переливающимися камнями на эфесе, он снимает шляпу, кланяется женщине в чёрном, потом поворачивается к нам и смотрит, под его взглядом становится неуютно, но всё равно интересно, что будет дальше. Мужчина дважды проходит мимо нас, заглядывая каждому в глаза, внутри, там, где сердце как-будто что-то шевелится, потом поворачивается к женщине и говорит, — первая, четвертый и восьмой, ко мне в карету, быстрее, я очень спешу.

Я в каком-то новом месте, большая комната со шкурами на полу, по стенам развешаны доспехи, мы втроем стоим в центре, на нас уже тёплые штаны, рубашки и жилетки на меху, на ногах — о, счастье, самые настоящие кожаные сапоги.

Мужчина в синем задумчиво смотрит на нас, как будто пытаюсь найти ответ на какой-то очень важный вопрос.

Солнце бьёт в окна, за окном цветет сирень, я стою в большой светлой комнате со мной ещё десять таких же детей, мы все одинаково одеты, нас покормили, дали сладости, нам весело и всё интересно. Входит мужчина в синем костюме, садится в кресло и говорит тихим голосом, – вы все подкидыши, без отца и матери, но я даю вам шанс выжить, вы будете много и тяжело учиться, я сделаю из вас совершенных воинов.

Мальчишки весело подпрыгивают.

–Вы станете личной стражей царевича, вы будете расти вместе с ним, учиться, в конце концов, он, ваш друг, станет самой главной вашей ценностью, сокровищем, которое вы будете охранять даже ценой собственной жизни.

Снова та же комната, мы вдесятером уже повзрослевшие стоим перед нашим Учителем, перед нами на троне сидит царица и царевич. Царевич весело подмигивает и улыбается нам. Царица сидит с каменным лицом, впрочем, это её обычное состояние.

–Ну что же, ваше обучение закончено, вы самая надёжная стража из всех существующих на свете, сегодня самый сильный, ловкий и преданный из вас будет назначен вашим командиром.

Учитель поворачивается и берет со стола небольшую бархатную коробку, открывает, в солнечных лучах переливается огромный синий сапфир, Учитель шагает ко мне и протягивает руку, я протягиваю свою в ответ, он надевает мне на указательный палец массивное кольцо и тихонько пожимает руку.

—Принимай символ командира королевской стражи, заслужила, ты лучшая из всех, кого я знал, только один командир мог бы сравниться с тобой, но его уже нет с нами, — Учитель грустно вздохнул.

—У меня тоже подарок для тебя, — царица встаёт с трона, подходит ко мне и протягивает что-то в ладони, я подставляю свою ладонь, и мне в руку перетекает золотая искристая змейка — браслет, я люблюсь тонкой работой, а царица с ужасом смотрит на мою ладонь, бледнеет и быстро выходит из тронного зала.

Сердце бьется в груди как сумасшедшее, в ушах пульсирует, чувствую, что я уже на пределе. Лес, темнота, бегу на свет факелов, я должна успеть. Начинается дождь, осенний холодный, льёт как из ведра, мгновенно промокая до нитки, ветки бьют по лицу, к счастью, факелы все ещё видны расплывчатыми пятнами впереди, но дыхания уже не хватает...

Кто-то с силой толкает в спину, поворачиваюсь, в лицо тыкается огромная пегая голова, прядет ушами, это она — самая лучшая лошадь на свете.

– Нашла? – быстро спрашиваю я.

– Конечно, – отвечает она, – когда это я тебя не находила.

Быстро запрыгиваю на широкую спину, целую между ушей, – факелы видишь?

– Не слепая поди, враз нагоним, держись покрепче, – и мы мчим через мокрый густой лес, мчим как по прямой дороге, как будто ни ветки, ни пни не встречаются на пути.

Факелы всё ближе, уже видно, что всадники остановились на небольшой лесной поляне, окруженной елками, в центре большой засохший дуб, на котором висят железные цепи, а на цепях... тот, кого я должна защищать – голова поникла, весь в крови.

– Беда, что делать будем, план есть? – спрашивает моя лошадь, резко остановившись и быстро спрятавшись за кустом.

– Их тут человек семь, оружие – сабли, справлюсь, главное успеть, чтобы царевич жив остался.

– Помочь?

– Да, вынеси меня на центр поляны, я его освобожу сначала, на тебя переложу, вези во дворец.

– Хорошо, только он не легонький, не то что ты, а у меня с прошлой пятницы спину потягивает.

– Потерпи уж, болезная.

Мы выскакиваем на центр поляны, фигуры в черных одеждах прыскают врассыпную, я встаю на седле в полный рост, заношу левую руку с мечом, чтобы рассечь цепи, но сверху с громким клацаньем летит страшный железный шар,

раскрывается, ощеривается страшными щипами внутри и цепляет мою руку выше локтя. Последнее, что я вижу, мою лошадь, скачущую к дубу и кожу моей руки в зубах капкана, собранную у кисти как спущенный чулок.

—Ба, а ба, вот скажи, а почему...

—Да, помолчи ты, опять со счёту сбилась, все петли перепутала.

Девчонка обиженно засопела. Я слегка приоткрыла глаза и осмотрелась через опущенные ресницы – лежу на небольшой деревянной кровати, застеленной белоснежным бельём, рядом с кроватью два стула, на первом, что поближе, сидит молодая деваха, как говорят, кровь с молоком, курносый заборный нос, россыпь веснушек на белоснежной коже, глаза любопытные, как у кошки. Рядом сидит скорченная сморщенная старуха, по виду ей лет двести, не меньше, вяжет что-то зелёное и бормочет себе под нос, считает петли.

—Ба, а как ты думаешь, кто это такая, а?

—Из воинов она царских, причем самая главная, похоже, – вздохнула старуха.

—С чего-то ты так решила? – с любопытством спросила девчонка, шмыгнув носом.

—Боль такую перетерпеть только особенный человек может, а особенные сама знаешь, кому служат, и вот на палец её указательный посмотри...

– Колечко с камушком синим, Красиивое.

– Красиивое, – передразнила старуха, – сапфир это царский, символ командира царской стражи, ты вот что, сними его, в тряпицу заверни, да за печку спрячь, а то ко мне многие ходют, мало-ли, потом, как в себя придёт, отдадим.

– Да, бабушка, – сказала девчонка заискивающим голосом, – и от поноса ты лечишь и любимого дружка приворожить можешь, вот люди к тебе и тянутся, каждый день идут.

Я почувствовала легкое прикосновение к своей руке и, подумав, позволила снять с себя кольцо, доводы старухи показались мне разумными. Раздались легкие шаги, что-то зашуршало в дальнем углу, видно, девчонка спрятала моё кольцо.

– Всё, надёжно спрятала, ба, – с гордостью прошептала девчонка, – ни одна душа сроду не найдёт!

– Молодец! – ну надо же, похвалила, ухмыльнулась я про себя, – если помрёт, распилим камушек на мелкие кусочки, никто и не определит, что королевский, продадим по-тихому да и заживём.

– Ушлая старуха попалась, – почему-то мне вдруг стало весело, и я широко распахнула глаза, решив «прийти в себя».

– Ой, – подпрыгнула на стуле девчонка, – ожила никак!

Старуха приподнялась на своём стуле и, прищурившись, внимательно посмотрела на меня, – молчи, не говори ничего, сил у тебя нет считай. Вижу, спросить что-то хочешь, один вопрос сейчас задай и всё, больше не надо, а то от второго

помрёшь ещё ненароком.

—Что с царевичем? — спросила я, не узнав собственного голоса, — жив?

—Тьфу, тьфу, тьфу, — заголосила девчонка, — здоровья на долгие годы нашему ненаглядному! Жив, здоров-здоровёхонек. Счастье в царстве нашем большое, глашатаи сегодня с утра всех-всех объехали, объявили о свадьбе царской. Женится наш сердешный!

—Какой сердешный женится? — спросила я, напрочь забыв про запрет на второй вопрос.

—Не оправилась видно ещё, — прошептала девчонка, повернувшись к бабке.

—Царевич наш, долгих лет ему, женится, — проорала она мне на ухо, видимо, чтобы наверняка дошло.

События прошлой ночи пронеслись у меня перед глазами, вчера вид сердешного к женитьбе совсем не располагал, не могло же мне всё примерещиться, но, видимо, старуха была права по поводу второго вопроса, в голове моей помутилось, и я снова провалилась в черноту.

—Вставай, что разлеглась? Тоже мне, страдальца, я, между прочим, весь лес обегала пока тебя нашла, не ела, не пила, а ты знаешь, как я плохо голод переносу.

—Никогда не поверю, что ты сутки не ела, твой рекорд — час, — я оперлась на руку и тихонько села в кровати. Окно, у которого я спала, было приоткрыто, в него заглядывала пе-

гая лошадиная морда. Я протянула руку и погладила шелковистую шерсть на лбу.

– Прилизываться не надо, тебя спасёт только корзина сладких яблок для умирающей с голоду лошади.

– Это ещё что такое, что за скотина тут чужая зашла, пошла отсюда, вон, – слышался сзади недовольный старухин голос.

Моя лошадь оттопырила губу, видимо, собираясь сказать, что она думает по поводу скотины, но я быстро приложила палец к губам и слегка покачала головой.

– Простите, это моя лошадь, она нашла меня, не найдется ли у вас немного яблок для неё?

– Яблоки им ещё подавай! За тобой ухаживала, одной травы лечебной мешок извела, а тут ещё и лошадь корми, и всё за так?

– Справедливо, – сказала я, потянувшись к уздечке, переливающейся на солнышке, потянула тайный ремешок, и в руку мне выкатилась средних размеров розовая жемчужина, мой обычный трехдневный заработок. Кошелеков я не носила, для мелких расходов вплетала всё в уздечку, никто никогда бы и не подумал, что упряжь моей кобылы украшена не цветным стеклом, а жемчугами и самоцветами.

– Не могли бы вы нас приютить на неделю, вот плата, – я протянула старухе жемчужину.

Она быстро схватила её, покатала на ладони, понюхала, лизнула и посмотрела уважительно, – что же, плата хорошая,

за такую цену можно всю деревню нашу купить, но и мои услуги недёшевы, неделю буду лечить, кормить и поить тебя, и лошадь твою не обижу.

– Она яблоки очень любит.

Моя лошадь посмотрела на меня со значением.

– Сладкие и много!

Лошадь кивнула.

– Будет лошадке и водичка, и яблочки, и сарайчик тепленький, – засюсюкала бабка.

– Любава, сюда иди! – закричала она зычным голосом, мы с лошадыю дружно вздрогнули.

В комнату вбежала внучка, на ходу доплетая косу.

– Что, ба?

– Что – что, постояльцы у нас, – она ткнула пальцем в меня и в лошадь, – при них неделю будешь состоять, что прикажут, всё делай.

– Это внучка моя – Любава, а меня Варварой зовите, – обратилась она к нам, – вас как звать, величать?

– Меня Ратмирой зовите, а её, – я махнула головой в сторону окна, – Щукой.

– Ой, не могу, лошадь Щука, – засмеялась Любава.

– Цыц, раз назвали, значит надо так, – Варвара грозноглянула на внучку, и та попятилась.

– Чего хочешь-то? – спросила она хмуро, отвесив мне что-то вроде поклона.

– Мне попить и помыться, а лошадь напоить и яблоками

накормить, привязывать не надо, она не уйдет никуда.

Любава резво ускакала куда-то и быстро принесла ковш ледяной воды, я тут же с жадностью её выпила.

– Баню топить не буду, на улице жарища, как и не осень, в саду кадушка стоит специальная, там водичка с травками всякими со вчерашнего дня приготовлена, себе делала, там лучше помыться, – быстро затараторила Любава.

– Мне всё равно, я сейчас даже в луже готова помыться.

Любава хрюкнула от смеха, – не, в луже женщинам нельзя, можно кикиморницей заболеть.

– Мне бы одежду ещё какую-то, моя, видно, совсем негодная стала.

– Совсем негодная, – быстро закивала бабка, отведя взгляд в сторону.

– Ба, так это на рынок надо, у нас такой большой нет.

– Я не большая, у меня размер как у тебя.

Любава прыснула, – ага все бабы думают, что они небольшие, да такой фигуры как у меня...

Варвара грозно зыркнула, и Любава прикусила губу.

Я откинула одеяло и на трясущихся ногах встала с кровати, перед глазами поплыли зеленые круги. На мне был надежды тонкие холщовые штаны и рубашка, которые мы обычно надевали под форму, левый рукав был полностью оторван. Я посмотрела на свою руку, она была аккуратно перевязана какой-то зелёной тряпицей.

– Ты потише, потише, девка, нельзя тебе ещё так резко, –

гаркнула Варвара.

Правой рукой я развязала ленты на воротнике и на поясе, одежда соскользнула вниз...

–Божечки, – ахнула Любава и прижала руку к груди.

Да, зрелище было не для слабонервных, раздутое человеческое тело все сплошь покрытое шрамами как от ожогов.

Любава громко сглотнула и подошла поближе, – это всё боевые раны, да.

– Плох тот страж, у кого всё тело в шрамах, – хмыкнула я себе под нос.

–Дракон-альбинос? – прищурилась Варвара, – редкая вещь.

Я щелкнула крошечным рычажком на боку, и мои доспехи из шкуры дракона с деревянным стуком упали на пол.

–Где там ваша кадушка? – спросила я и поковыляла к выходу.

–Нет, ба, замуж то она точно выйдет, – тихо сказала Любава.

Щука отчётливо фыркнула.

Я вышла на крыльцо. Солнце светило сквозь кроны высоких яблонь, пахло лежалой травой, метрах в десяти от крыльца стояла деревянная кадушка, наверное, та самая.

–Не дойду, – подумала я.

–Давай уж помогу, – мне под руку подсунулась голова Щуки, я обхватила шелковистую лошадиную шею, и мы пошли

к заветной кадушке.

– Хотела сказать, – прошептала Щука, – вчера что-то непонятное было, когда ты зависла на этой круглой штуке, я ещё по инерции проскакала пару метров и всё... чувствую лечу вниз, яма метра четыре глубиной, на дне какая-то липкая дрянь налита, вляпалась всеми четырьмя копытами, и ни шагу.

– Засада?

– Да, причем на тебя! Нужно спрятаться тут ненадолго, руку твою восстановить, да и понять, что там во дворце сейчас происходит.

Я задумалась.

– Странно, а как же ты выбралась?

– Там очень смешно получилось, – начала было Щука, но на крыльце послышались быстрые шаги, и бодрый Любавин голос проорал, – дошли? Молодцы! Я тут полотенчики принесла, и чаю лечебного бабушка заварила.

– Молчи, никто не должен догадаться, что ты умеешь говорить и понимать человеческую речь! – шепнула я Щуке.

– Я же так сдохну без общения, долго не протяну!

– Потерпишь!

Щука шумно вздохнула. Мы поравнялись с кадушкой, моя лошадь склонила голову, я оперлась правой рукой о бортик и быстро впрыгнула внутрь, перед глазами снова поплыли зеленые круги.

– Что же ты так сигаешь! Нельзя ещё! – Любава, тяжело

дыша, тащила гору полотенец в одной руке и большую дымящуюся кружку в другой.

– На, держи, – она сунула мне кружку в руку, – левую не мочи и не труди, чай маленькими глоточками пей.

Я понюхала душистый пар, пахло яблоками и какой-то лесной травой.

– Да ты пей, не сомневайся, сильный чай, даже коров после тяжёлых родов поднимает!

Я закашлялась. Щука посмотрела на меня смеющимися глазами и раздула ноздри.

– Ну, если коров поднимает, – я сделала небольшой глоток огненного чая, приятное тепло мгновенно растеклось по всему телу, стало спокойно и хорошо, я откинулась на бортик кадушки.

– Сиди, расслабляйся, я тебе полотенце под голову подложу, – заботливые руки приподняли мне голову и подсунули под неё что-то мягкое, стало совсем хорошо.

– Сейчас лошадку твою покормлю и поболтаем, – с этими словами Любава умчалась куда-то.

Болтать мне совсем не хотелось, я закрыла глаза и стала слушать шорох листьев, прихлёбывая чудодейственный коровий чай.

– Ну вот, на, лошадушка, поешь, – Любава поставила перед Щукой корзинку с красными яблоками и ведро с водой. Щука посмотрела с одобрением.

Потом Любава сбегала куда-то и принесла маленькую де-

ревянную скамеечку, поставила ее перед кадушкой и, подвигав попой, основательно уселась, судя по всему, надолго.

—Что расскажу-то, — Любава прижала руку к пышной груди и посмотрела со значением, — новости у нас какие!

—Какие?

—Как глашатаи о царской свадьбе сообщили, пыль ещё от коней не осела, а у нас уже о новой свадьбе говорят!

—Что за свадьба? — совершенно разомлев, спросила я. Щука перестала хрупать яблоками и наострила уши, она обошла всякие любовные сплетни.

—Свадьба — всем свадьбам свадьба! — с придыханием ответила Любава, — самая красивая девица и первый парень на деревне женятся!

—И с чего это жених первый парень у вас на деревне?

Любава вскочила со своей табуретки, — рост вот, — она подпрыгнула с вытянутой рукой, — плечи — во, — она развела руки в стороны, — волосы русые, выются, глаза зеленые, богатый, самый богатый у нас. Девки все по нему с ума сходят, да что девки, даже некоторые бабы, — добавила она тихим шёпотом, наклонившись к моему уху.

— Гордый жуть, никак не хочет от царевича отставать, в тот же день, что и царскую свою свадьбу объявил!

—Ну а невеста кто?

—А что невеста, — скучным голосом проговорила Любава, — красивая, аж страшно, лицо, фигура, коса толщиной с мою руку, длинная, до колен. Родители в ней души не чают,

отец мельник, не бедствуют. В детстве странная была – кошек, собак мучила, а как в возраст вошла, поменялася, сама доброта, птичек в лесу кормит, нищих привечает, с юродивой нашей возится.

–Что за юродивая? – спросила я, жалея Щуку, она стояла, наострив уши, даже про яблоки свои любимые забыла.

–Да кузнеца дочь, кузнец наш – вдовец, жена в родах умерла, дочка на руках осталась, так он крошку выходил, души в ней не чаёт.

–А что с ней не так?

–Так страшная, не приведи Господи! Голова огромная, через неё и мамаша умерла, глаза навывкате, нос крючком – кошмар ночной, – Любава помахала рукой у себя перед носом, – ребятишки дразнили её, хоть кузнец и угрожал всячески. Но умная, читать, писать умеет. Как мельничихова дочка невеститься начала, стала защищать её от хулиганов наших, а юродивая-то и рада, ходит за ней хвостом. А та в последнее время и платья, и туфли свои ей стала дарить, наряжать.

–Ох, легка на помине, – Любава махнула рукой, – вон с бабушкой Варварой стоит, разговаривает, видно, опять прыщами обсыпало.

Щука резво развернулась в ту сторону, куда показывала Любава, я слегка повернула голову и стала следить краем глаза.

У калитки стояла старуха и разговаривала с богато одетой

девушкой, платье ручной вышивки переливалось на солнце, красные сафьяновые сапожки, голова обмотана бирюзовым платком, но даже под ним было видно, что она непропорционально большая и какой-то странной формы. Девушка стояла, наклонив голову вниз, и что-то бубнила себе по нос.

– Иди, иди, – ишь, чего удумала, не надо тебе этого, – старуха махнула рукой, девушка ещё ниже склонила голову и заспешила прочь.

– Ба, чего юродивая приходила-то? – заорала Любава так, что я подпрыгнула в своей кадушке.

– Так я тебе и сказала, – вредным голосом ответила старуха и зашаркала в дом.

– Я тоже пойду, что-то устала, спать хочу, а то засну здесь и утону, проблем потом не оберётесь, – сказала я Любаве.

– Давай я тебя полотенчиком высушу.

– Сама пока дойду, высохну.

Я потихоньку выбралась из кадушки и медленно побрела к дому.

– Эй, Варвара, – раздался низкий мужской голос.

Любава испуганно ахнула, я повернулась и увидела у калитки высокого белокурого мужчину, судя по описанию Любавы, это был тот самый первый парень на деревне.

– Она дома, – крикнула я ему, – сейчас позову.

Я поднялась на крыльцо, открыла дверь и крикнула, – Варвара, к тебе пришли!

Краем глаза заметила застывшую Любаву у кадушки, пер-

вого парня на деревне с абсолютно круглыми глазами и отвалившейся челюстью и смеющуюся морду моей Шуки.

Я зашла в комнату и повалилась на постель, спать хотелось смертельно, я накрылась одеялом и закрыла глаза.

– Что же ты делаешь-то, а, разве можно так с мужиками? – Шука укоризненно пыхтела, пытаясь приподнять мордой край занавески.

– Что ему сделается?

– Ага, а вдруг у него удар сделается от сильных впечатлений прямо перед свадьбой? Или того хуже от свадьбы откажется!

– Не преувеличивай.

– Знаешь, зачем к Варваре то нашей пришёл?

– Зачем?

– Погадать, на будущее, между прочим!

– Видно, перед свадьбой переживает.

– Да, видно, сомнения мужика гложут, сидит, шушукается с Варварой в саду, я прогулялась пару раз туда- сюда, слышу, говорит: «Красавица, конечно, хозяйка, но что-то странное с ней твориться...». Дальше уже не слышно было, старуха наша карты на столике разложила, шептала ему что-то.

– Очень интересно, но я спать хочу!

– Спи, спи! Всё самое интересное проспешь! – обиженно фыркнула Шука.

– Шука, ты сильно не светись, лошадь ты больно примет-

ная, а мы прячемся.

– Конечно, приметная, – голос Щуки заметно смягчился, – ладно, отдыхай, пойду в свой сарайчик, а то жара стоит, ужас!

– Ратмира, вставай, вставай, бабушка ужин приготовила, без тебя есть не хочет, время уже позднее, вставай, а то ночью спать не будешь, – тихонько тормошила меня за плечо Любава, и так, считай, целый день проспала.

–Встаю.

–Я тебе тут сарафанчик свой новый принесла и платок, ну и бельё кой – какое, одевайся.

– Спасибо!

– Представляешь, слухи по деревне какие ходят, Юрий-то, который сегодня приходил, ну, жених, подарок Акулине, невесте, какой-то делает, дорогой, говорят, и красивый, жуть.

–И что за подарок?

–Да, не видел никто, но девки говорят, к свадьбе украшение, видно.

–Ясно.

Я надела красивый сарафан, который оказался мне впору, повязала платок и пошла за Любовью в другую комнату.

Рядом с печью был накрыт стол, в чугунке дымился суп, в мисках стояли картошка, грибы, соленые огурцы, в середине стола возвышалась красивая резная бутылка с чем-то розо-

вым. Варвара хлопотала у печи, вытаскивала свежеиспеченный хлеб.

—Смотри, какой бабушка стол накрыла, суп волшебный полезный, вкуууусный и даже вино домашнее из погреба достала.

—Угощать, так угощать, — весело сказала старуха, — садись, девки.

Нас не надо было упрашивать, мы быстро уселись на скамейки с удобными вышитыми подушками и стали смотреть, как Варвара ловко раскладывает на тарелки всякую снедь и наливает вино в красивые граненые стаканы.

— Лошадь твою покормила и попоила, она всё съела и пошла в поле за речку, но ты не бойся, там спокойно, волков и конокрадов нет.

—Я бы не позавидовала волкам и конокрадам, которые на Щуку нападут, — со смехом ответила я, начиная есть. Всё оказалось очень вкусным и еда, и вино.

—Ба, вино вкусное, это прошлогоднее из малины, да?

—Да.

—Ой, малина была в прошлом году, чистый мёд, а многоо, — Любава с удовольствием отхлебнула вино, — ты, пей, пей, чистое здоровье.

Стало хорошо, спокойно, наверное, потому что последний раз я ела дня три назад.

—Ба, расскажи что-нибудь интересное, сказку какую или легенду, — попросила раскрасневшаяся Любава.

—Могу и правду рассказать, — хитро прищурилась старуха, она немного захмелела и ей явно хотелось поговорить.

—Правду ещё интереснее, — ответила я.

—Никто этой истории не знает, вам одним расскажу, да и то, потому что давно уже всё прошло, и быльём поросло. Приехал к нам в деревню парень жить, откуда-то далеко из-за гор, высокий, красивый, главное, рукастый. У кузнеца нашего подмастерьем стал, быстро у старика всему выучился, а наш старый кузнец уже дряхлый был, работать много не мог, так он его как дедушку родного стал кормить и поить, работать не велел. Со временем избу новую построил, чистый терем. Девки все по нему вздыхали, а одна особенно, ко мне приходила, приворот просила сделать, я ни в какую, знала её, змею подколодную, всю бы жизнь ему испортила.

—То есть вы приворот не всем подряд делаете, смотрите, кто кому подходит? — с удивлением спросила я.

— А как же, а то что это за жизнь будет, страдания одни! Так вот, отказала я ей, а потом через две недели ночью в лесу у тайного колодца её встретила.

—Что за колодец? — живо поинтересовалась Любава.

— Волшебный, если воды из него попьешь, желание исполнит, только не за просто так, через какое-то время выкуп за желание заберёт.

—Какой выкуп? — спросила я.

—Так свой он у каждого.

—Что же никто не ходит к тому колодцу, ба?

—А никто не знает про него, я да ещё ведьма одна из соседней деревни, я беру по малой капельке для зелья одного, говорить о том колодце строго-настрого запрещено, но, видно, не поскупилась змея подколотная, подкупила старуху, та тайну ей и открыла.

—И что дальше, ба?

—А что дальше, стал за ней кузнец наш ходить, как на веревочке, подарки дорогие дарил, ухаживал всячески, понятно мне стало, какое желание змеюка у колодца загадала, свадьбу через месяц сыграли, через год понесла она, да в родах и померла.

—Это что же, ты про нашего Микулу кузнеца рассказала?

—Про него, — вздохнула старуха.

—Значит, жизнью своей расплатилась и дочерью, — вздохнула Любава, — вон какая страшная Ленка уродилась. Что же она приходила к тебе сегодня, ба?

—Не скажу, Любава, не спрашивай, беспокойно мне на душе, как в тот раз, когда мать её ко мне приходила.

В окошко заглянула луна, я и не заметила, как стемнело, а на столе загорелись свечи.

—Поговорили, ну и хватит, Любава, убирай со стола, Ратмира, иди спать к себе, утро вечера мудренее, — старуха прошептала что-то ещё себе под нос.

Долго упрашивать меня не пришлось, я прошла к себе в комнату, разделась и легла в кровать, в соседней комнате позвякивала посуда, в окошко дул легкий осенний ветерок —

абсолютная идиллия.

—Спокойной ночи!

—Пришла? Как там в поле за речкой?

—Знает она уже всё. Хорошо. Побегала — размялась, спать у твоего окна буду, так что не волнуйся, отдыхай!

— Спасибо, Щука, — сказала я и провалилась в глубокий сон.

Я проснулась от того, что в глаза мне бил яркий солнечный свет, я полежала ещё некоторое время, нежась под одеялом, потом села на кровати и открыла глаза. У открытого окна в саду стояла моя лошадь, переступая своими длинными ногами и зорко поглядывая по сторонам — в дозоре.

Я высунулась в окно и потянула ей яблоко.

—Наконец-то мы проснулись, я то думала, что до вечера тут простою!

— Сейчас часов пять, что ругаешься?

—Четыре тридцать семь, — ворчливо ответила моя кобыла, которая всегда могла определить время до минуты.

Я почесала её между ушами и дала ещё яблоко.

—Иди, отдыхай, спасибо тебе!

—Всего два яблока после дозора — это свинство!

—Любава сейчас тебя покормит, не ворчи.

Бубня что-то себе под нос, Щука отправилась в сарайчик.

Я пошевелила левой рукой, было больно, но я могла двигать ею вверх и вниз, согнуть в локте и пошевелить паль-

цами, я с облегчением откинулась на подушки. Еще пару дней и я смогу разобраться с тем, что случилось в лесу два дня назад.

Раздался стук в дверь, и в комнату вплыла Любава, в руках она несла кувшин и маленький тазик, – вот, умываться тебе принесла, доброго утречка.

Я умылась ледяной водой, расчесала волосы и надела са- рафан. Любава оглядела меня со всех.

–Красивая ты, конечно, но бледная очень, давай свеклой щёки подмажем?

–И так сойдет.

–Ну, как знаешь, ты поешь сейчас, и пойдём к колодцу на поляну, там уже столы сбивают, лавки, к завтрашней свадьбе готовятся, а ещё там карусели, качели всякие, это кузнец наш придумал. Три дня гулять хотят, из города всякой еды на- везли, вин, мы таких и не видели никогда, видно, всю ночь сегодняшнюю столы накрывать будут. Всю деревню пригласи- ли, всех от мала до велика, во как! Пойдём смотреть! Ме- ня бабушка одну не отпускает, а с тобой отпустит, тем более тебе гулять полезно сейчас. Пойдёшь? – посмотрела она на меня жалобными глазами.

–Пойду, – сказала я, усмехаясь про себя, Любава любо- пытная, как Щука, та тоже никогда не упустит случая по- смотреть на свадьбу или на пир.

–Ну, собирайся тогда скорей, я тебя в саду на скамейке подожду.

–Хорошо.

Я посмотрела на себя в зеркало – нет, так не пойдёт, я замотала волосы в тугий узел на затылке и завязала Любавин платок так, чтобы он закрывал лоб почти до глаз, теперь нормально, нельзя сейчас привлекать к себе внимание.

Когда я вышла в сад, Любава посмотрела на меня с удивлением, но ничего не сказала, быстро подскочила со скамейки, распахнула калитку и чуть ли не бегом припустила вдоль забора.

–Не беги, не пропустишь ничего!

–И бабушка говорит, ходить надо степенно, важно.

–Правильно говорит.

–А вдруг, что интересное пропустим? Вся деревня уже там, мало ли.

–На месте разберёмся.

Мы шли по широкой деревенской улице, дома все были красивые, добротные, с резными ставнями, на окнах многих домов стояли горшки с цветами и клетки с поющими канарейками.

–Хорошая у вас деревня!

–Да, – гордо ответила Любава, – работают все, кто ткёт, кто хлеб печёт, кто пиво варит, всё вкуууусное, хорошее, из соседних деревень каждую субботу на ярмарку приезжают покупать, вот люди и богатеют.

На улице стали попадаться люди, женщины несли корзинки со всякой снедью, мужчины доски и инструменты, все

раскланивались с Любовью и с интересом смотрели на меня. Я наблюдала за Любовью, с женщинами она раскланивалась, добродушно улыбалась и говорила: «Доброго здоровьичка». С мужчинами же дело обстояло иначе, завидев вдалеке мужчину, Любава наклоняла голову чуть вниз, томно смотрела из-под полуприкрытых ресниц, походка её менялась, становилась плавной, на приветствия отвечала грудным голосом: «И вам не хворать».

Я просто раскланивалась со всеми, посмеиваясь про себя. Внезапно Любава схватила меня за рукав, и затащила в маленький, безлюдный переулок.

—Ты что делаешь?— спросила она меня сердито.

—Что?

—Идешь, мужикам прямо в глаза смотришь, не улыбнешься, ни глазки не опустишь, идёшь, шаги печатаешь, это что такое?

—А что не так?

—Ты замуж хочешь или нет? Глаза надо долу держать, идти плавно, как кошка, говорить тихо!

—Спасибо за науку, но замуж не хочу.

—Это как так?

—Да вот так, не встретился мне ещё такой, с кем бы я рядом быть хотела, а всех подряд ловить мне без надобности.

Любава задумалась, — ладно, пошли, а то там, наверное, без нас все уже построили.

Мы заспешили дальше по главной улице и наконец вышли

на большую поляну, там уже вовсю кипела работа, мужчины сбивали из гладких обструганных досок длинные столы и лавки, женщины украшали столы цветами и расставляли посуду.

— Ух ты, никогда ещё у нас ещё такого не было, — Любава восторженно крутила головой по сторонам и всплескивала руками.

Я огляделась, на краю поляны, почти у самого леса стоят очень интересные сооружения — огромные столбы с цепями, к каждой цепи внизу был приделан стульчик, а ещё огромные ворота, внутри которых на цепях висят лодки, около них какой-то мужик работает, цепи вешает.

— Вон они, качели — карусели, что кузнец наш придумал, — с восхищением сказала Любава.

— Да, интересно, никогда такого не видела, — согласилась я.

— Пойдем, поближе посмотрим!

— Пойдём.

Мы подошли к качелям, мужчина стоял к нам спиной и закреплял тяжеленные цепи на высоком столбе. Он был босиком, в черных холщевых штанах и кожаном фартуке, черные волосы завязаны сзади в небольшой хвост, стальные мышцы перекатывались на спине, пока он забивал кувалдой огромные металлические штыри. Вокруг стояло человек пятнадцать девушек, усердно разглядывавших качели, но глаза их то и дело постреливали в сторону кузнеца.

— Силён, — подумала я, — даже мне не под силу такую ку-

валду поднять.

Кузнец повернулся – да, не так я представляла несчастного вдовца, в одиночку вырастившего дочь. Зелёные раскосые глаза, тонкий нос, высокие скулы и взгляд, от которого по спине побежали мурашки.

Я тот час опустила глаза долу, замедлила шаги, сделав походку как можно плавней.

Рядом споткнулась Любава, – ты, что? Решилась всё-таки?

– На что решилась?

– Как на что? Совета моего послушать!

– Если честно, оно само как-то получилось.

– Если само, то это ещё лучше, не век же тебе витязем быть, это женщина в тебе просыпается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.